

1906

№1

АДСКАЯ ПОЧТА

ЦѢНА

15К

РАДѢСТЬ НА НѢВЪНОВАГОМАНИРѢСТАРАДЪИ*

Рис. М. С.

А

Предисловіе

«Адекая Почта»—журналъ художниковъ: ихъ духу, свободолюбивому и мятежному (а они истинно свободолюбивы и мятежны, явно или скрытно, если они—истинные художники), тѣсны грани и цѣли освободительныхъ стремленій переживаемаго нами историческаго момента. Они хотятъ послѣдней свободы, и мятежны до конца.

Борьба противъ насилія и насильниковъ, рабства и порабитителей должна исходить изъ любви не къ относительной и ограниченной, но къ безусловной и цѣльной свободѣ. Временныя, обыденныя маски угнетенія и рабствія могутъ быть забрасываемы комками уличной грязи; но изъ-подъ извѣстныхъ масокъ глядитъ неподвижная враждебная стихія неволи, жестокости и пошлости, и—чтобы не скользнуть только по маскѣ—стрѣлы сатиры должны слетать съ туго натянутого лука конечной непримиримости.

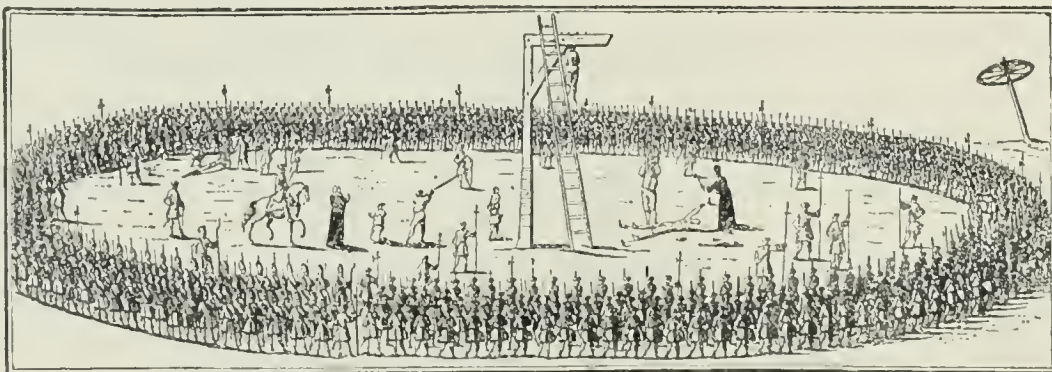
Подъ личинами мѣщанства царствующаго, но уже презираемаго и развѣчиваемаго, намъ виденъ ликъ болѣе живучаго, быть можетъ безсмертнаго мѣщанства. Всякое мѣщанство начинается въ тотъ мигъ, когда успокоился и устроился въ себѣ человекъ и сталъ глухъ къ зазывамъ свободы, сказавъ себѣ: «это ли не дозволено? чего мнѣ еще надобно?»

«Адекая Почта» хочетъ сдѣлать ощутительнымъ для читателей чернѣй фонъ нашей послѣдней несправедливости, на котормъ сигналами братскаго единенія съ борцами за волю и за человека вспыхиваютъ багряныя знамена нашего перваго бунта.

На этомъ черномъ фонѣ будутъ ярче нестрѣты наши балаганныя маски. Изъ чернаго молчанія нашего непримиримаго и бѣтъ звонче будутъ вырываться бригаанье бубенцовъ и свистъ бича.

И свѣтлое сверканье княжальной стали мы любимъ подъ алою пышностью извѣженныхъ розъ...

«Адекая Почта» издавалась въ XVIII вѣкѣ. Она была возобновлена въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. И въ началѣ XX столѣтія воскресаетъ «Адекая Почта». Злоба и презрѣніе поколѣній, идущихъ къ свѣту, растутъ. Мы приветствуемъ это crescendo ихъ несправедливости.

Быль мудрецъ.

Онъ понялъ печальную тайну жизни, тайна наполнила сердце его темнымъ трепетомъ ужаса и во мракѣ ея грустно погасили улыбки земли, тихо умерли радости.

Холоднымъ окомъ разума своего онъ смотрѣлъ въ глубь время и видѣлъ тамъ тьму: будущее было ясно для него—тамъ была тьма.

Онъ ходилъ по дорогамъ родины своей, по улицамъ городовъ и по селамъ ея, онъ ходилъ, печально покачивая одинокой, мудрой головой, и звучала въ нестройномъ шумѣ жизни его проповѣдь, какъ печальный звонъ похороннаго колокола.

— Люди! Вы живете между тьмою и тьмою. Изъ пропасти невѣдѣнія вышли вы, въ туманѣ невѣдѣнія трепещете жизнь ваша, леденая тьма невѣдѣнія ждетъ васъ впереди...

Люди слушали грустную рѣчь его, понимали горькую правду ея и вздыхали, молча глядя въ очи мудреца.

Но, проводивъ его въ одинокій путь мудраго, они шли къ работамъ своимъ и на пириества свои, ѣли хлѣбъ свой, пили веселое вино свое и, со смѣхомъ любуясь игроми дѣтей, забывали о нуждахъ своихъ и о горѣ, извѣданномъ ими вчера.

Боролсь другъ съ другомъ за власть и богатства, умиленно слушали проповѣдь любви, руками въ крови ближняго своего ласкали милыхъ сердцу красавицъ и устами предателей цѣловали друзей своихъ. Воровали другъ у друга имущество и, обогатившись кражами, горячо защищали собственность, безответно лгали другъ другу и все говорило, что лишь правда должна быть даридею жизни, а некоторые даже вѣрили въ благостную силу правды и страдали за вѣру свою. Любили они музыку и счастливо плакали подъ звуки ея, восхвалялись красотой, а вокругъ себя допускали безобразное, совершали отвратительное. Поработали они другъ друга и говорили, что жаждутъ свободы, презирали подчинившихся власти ихъ и тайно, трусливо, какъ хитрые зѣври ненавидѣли владыкъ своихъ. И всегда, желая лучшаго, тревожно некали его вокругъ себя, но въ себѣ не умѣли создать это лучшее, поглощенные мелочными заботами объ удобствахъ жизни своей, неощаивая свой умъ во враждѣ и во лжи, въ грубыхъ хитростяхъ ради торжества ненасытной своей жадности ко благамъ земли.

Такъ подобно грязнымъ свиньямъ, жили эти забавные чудаки и считали себя падшими ангелами. И была ихъ жизнь какъ вулканъ грязный, вулканъ неперестывающій, изрыгающій въ свѣтлую пустыню небесъ смрадный паръ стонувъ и воплей, липкій пепелъ страданій и горя, вонючую грязь возжелѣвннй звѣриныхъ...

Одинокій мудрецъ, тихо шествуя сквозь суету земли, говорилъ голосомъ всевѣдѣнія:

— Что есть жизнь? Вы не знаете. Что—истина? Вы не скажете. И зачѣмъ вы? Неизвѣстно вамъ. Вотъ въ чемъ ваше несчастіе!

И видя, какъ влюбленный обнимаетъ возлюбленную свою, говорилъ имъ печально:

— Смерть ждетъ васъ и потомство ваше...

И видя, какъ люди строили роскошныя жилища себѣ, говорилъ, укоряя:

— Все сіе—въ жертву гибели...

И видя дѣтей, играющихъ на луку среди цвѣтовъ, подобныхъ имъ, вздыхалъ и говорилъ въ сердцѣ своемъ:

— Жатву смерти видѣть очи мои...

И если ибкто изъ мудрецовъ жизни, чуждыхъ душѣ познавашаго тежюю мудрость смерти, поучалъ юношество въ храмѣ науки своей чуднымъ тайнамъ ея, онъ говорилъ усмѣхался:

— Ограниченность—има мудрости твоей! Ибо погибнетъ земля и все храмы ея, и науки ея, и правда и ложь ихъ, и не вѣдомъ тебѣ день и часъ гибели твоей...

Но однажды, на окраинѣ шумнаго города, въ темной, узкой улицѣ грязи и нищеты, въ смрадномъ туманѣ запаховъ гніенія, мудрецъ увидѣлъ тѣсную толпу работниковъ; одинъ изъ нихъ говорилъ имъ рѣчь, и удивился мудрецъ вниманію слушателей—никогда люди не слушали его проповѣдь съ такой жадностью. И острый уколъ зависти коснулся сердца мудреца:

— Товарищи! говорилъ ораторъ работникамъ:—Мы лежимъ въ грязи труда нашего подобно камнямъ на днѣ рѣки, а надъ нами быстро катятся волны жизни владыкъ нашихъ. Мы для нихъ какъ ступени и по нашимъ тѣламъ они поднимаются вверхъ, на высоту истинны и оттуда обращаютъ силу разума своего противъ насъ, дабы поработить еще и души наши... Они все знаютъ,—мы—ничего, они—живутъ, мы—еще не жили, имъ вѣдома вел мудрость, намъ—только сказки; все свѣтлое въ ихъ рукахъ, въ нашихъ—ничего и даже хлѣба мало, чтобы сытыми жили мы. Поработили они насъ и пресытились, и вотъ уже скоро голодъ нашъ побѣдитъ пресыщенныхъ, ибо беззащитенъ духъ ихъ, тогда какъ мы жизнью духа живы и сильны. Мы хотимъ жить, мы хотимъ знать, мы хотимъ быть людьми. Мы хотимъ насытить алчущій духъ нашъ всею мудростью земли, созданной на твердыняхъ терпѣнія нашего, мы хотимъ всего, что уже есть, мы хотимъ создать то, чего нѣтъ еще!

— Человѣкъ!—сказалъ мудрецъ, снисходительно усмѣхался.—Заблужденіе—има словъ твоихъ. Органично познание людей и не будутъ они знать болѣе, чѣмъ могутъ. И не всели равно тебѣ, какъ погибнешъ ты, голодный или пресыщенный, подобно тѣмъ, противъ которыхъ ты направляешь столь слабое жало мудрости твоей? И не всели равно невѣждой ляжешь ты въ гробъ твой или одѣнешься въ холодный саванъ жалкихъ ученій владыкъ твоихъ? Подумай,—все на землѣ и сама земля будетъ ввергнута въ черную пропасть забвенія, въ бездонную пучину смерти...

Работники молча смотрѣли въ очи его неподвижно, слушая мудрую рѣчь, и чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ сильнѣе одѣвался лица ихъ суровымъ холодомъ. Потомъ одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу:

— Матвѣй! У меня рука болитъ—дай ты въ шею этой старой обезьянѣ...

Вотъ и все...

...Да, конечно, я согласенъ, онъ ибсколько грубоватъ, этотъ рабочій народъ, но развѣ онъ виновенъ въ этомъ? Вѣдь его—никто не училъ хорошимъ манерамъ.

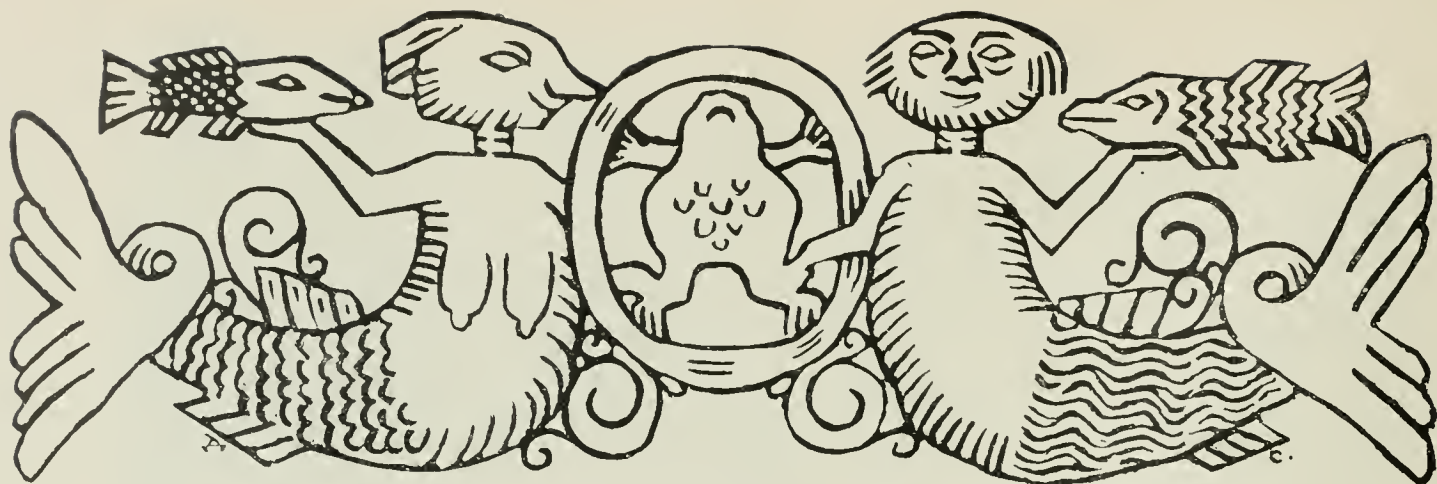
М. Горькій.

НЕ ВЕСА НА ЗЕМЛЪТЪ.

СИВИЛЛА.

Въ этой призрачной Пальмирѣ,
 Въ этомъ маревѣ полярномъ,
 О, пребудь съ поэтомъ въ мирѣ,
 Ты, надъ взморьемъ синезаривымъ
 Мнѣ являющаяся дивной
 Ариадной, съ кубкомъ рванымъ,
 Съ флейтой буйно-заунывной
 Иль съ узычивымъ тимпаномъ,—
 Тамъ, гдѣ въ гроздьяхъ, тамъ, гдѣ въ глинахъ
 Рдѣютъ Вакховы экстазы...
 Въ тускловый часъ, какъ въ тучахъ дымныхъ
 Тлѣютъ мутные топазы,
 Закружись стихійной пляской
 Съ предзакатнымъ листопадомъ
 И погь сумеречной маской
 Пой, подобная Мэнадамъ!
 Въ желто-сѣрой рысевой шкурѣ,
 Увѣнчавшись хвоей ельной,
 Вихревиной взвейся бурей,
 Взвейся вьюгой огнемелной!..
 Ты стоншь, на грудъ склоняя
 Лицъ духовный, лицъ страдальчій,
 Обривая и роняя
 Въ тѣнѣ и мглу рукой печальной

Лепестки прощальной розы,—
 И въ туманивья волокна,
 Какъ сквозь ангельскія слезы,
 Просквозили розой окна—
 И потухли... Все смѣслось,
 Погасилось въ волнахъ низкихъ...
 Вотъ—и ты преобразилась
 Медленно... Въ убогихъ ризахъ
 Мнишься ты въ ночи Сивиллой...
 Что, сѣдая, ты бормочешь?
 Ты грозилъ ли мнѣ могилей?
 Или міру смерти пророчилъ?
 Приложила перстъ молчанья
 Ты къ устамъ,—и я, сквозь шопотъ,
 Слышу мѣднаго скаканья
 Заглушенный тяжкій топотъ...
 Замирая, кликомъ блѣднымъ
 Кличу я: «Мнѣ страшно, дѣва,
 Въ этомъ морокѣ побѣдномъ
 Мѣдно-скачущаго Гнѣва»...
 А Сивилла: «Чу, какъ тупо
 Ударяетъ мѣдъ о плиты...
 То о труны, труны, труны
 Спотыкаются копыта»...

Вячеславъ Ивановъ.

МУДРЫМЪ.

Изъ книги «Востокъ».

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки.
 Герой врагу безумный даль отпоръ,
 Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
 Какъ искрометный метеоръ.

А трусь—живетъ. Онъ тоже местъ лелѣетъ,
 Онъ тоже точитъ дротикъ, но тайкомъ.
 О, да, онъ мудръ! Но сердце въ немъ чуть тлѣетъ:
 Какъ огонекъ погь кизякомъ.

Ив. Бунинъ.

СВИНЬИ.

(Сонетъ изъ Э. Верхарна).

Стада большихъ свиней — и самки и самцы —
Угрюмымъ хрюканьемъ переполняли поле,
Толпились на дворѣ и бѣгали на волѣ,
Тряся молочные, отвислые сосцы.

И близъ помойныхъ ямъ, лучами озаренныхъ,
Въ навозной жижицѣ барахтались, толпясь,
Мочились, хвосты задрывъ, уставивъ ноги въ грязь, —
И лоснился узоръ щетинъ ихъ очерченныхъ!

Но подходилъ ноябрь. Ихъ убивали. Ахъ,
Какой былъ славный жиръ въ ихъ грязныхъ
животахъ!

Изъ ихъ большихъ заговъ само сочилось сало.

И шкуру ихъ скребли, потомъ палили ихъ,
И пламя ихъ костровъ, посмертныхъ, гробовыхъ
Всему селенію веселбе возвѣщало!

Валерій Брюсовъ.

ФРИЦА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Сказочка.

Одни родители, папа съ мамой, долго сержались на своихъ мальчиковъ, Кешку да Пешку, — своевольные были Кешка да Пешка. И чего только съ ними папа и мама ни дѣлали, и по-хорошему-то ихъ унимали, и по-родительски, а имъ все нейдетъ. Шалятъ, самочинствуютъ, да и па-поги.

Вотъ одинъ умный дядя и посовѣтовалъ папѣ и мамѣ:

— Что, — говоритъ, — вы на нихъ смотрите, на такихъ балбесовъ? Да вы ихъ сгоните со двора, а вмѣсто нихъ выпишите изъ-за границы парочку нѣмчиковъ; тамъ, — говоритъ, — ребята очень хороши, и всѣмъ комплиментамъ крѣпко научены.

Папа съ мамой обрадовались, такъ и сдѣлали: Пешку да Кешку выгнали вонъ, а на ихъ мѣсто написали нѣмчика: на пару нѣмчиковъ денегъ жалъ было, да и думали, что одинъ хороший мальчикъ лучше, чѣмъ два плохихъ.

Пешка да Кешка долго плакали, прощенія просили, обѣщались не шалить, домой очень умильно просились, да ужъ не простили ихъ папа съ мамой:

— Нельзя, — говорятъ, — всѣ сроки вышли, и нѣмчику билетъ желѣзнодорожные выправлены, такъ не пропадутъ же денѣгамъ. Идите, — говорятъ, — съ Богомъ, по-добру, по-здорову.

Поняли еще Кешка да Пешка, Богу помолились, кресту поклонились, да и пошли, горемычные, куда глаза глядятъ.

А на мѣсто ихъ прѣхалъ въ скорости изъ-за границы мальчикъ Фрица, чистенькій, вѣжливейшій, субливейшій. Папѣ и мамѣ книксень сдѣлалъ, ручки лизнулъ, и тоненькимъ голоскомъ гуть-мургенъ проговорилъ, — все какъ слѣдуетъ по заграничному правилу.

Только скоро у папы и у мамы пошли съ мальчикомъ Фрицей нелады, потому что Фрицъ большая чистота требовалась, а у папы съ мамой къ

чистотѣ душа не лежала, и отъ большой чистоты имъ тошно становилось.

Придетъ бывало Фрица, и заговоритъ учтиво: — Глубокоуважаемые родители, дорогой и душевнопочитаемый папочка, милая и сердечно любимая мамочка, позвольте мнѣ чистую рубашечку, ибо та, которую я ношу въ продолженіе двухъ недѣль, несмотря на все мое стараніе не пачкалъ моею одеждѣ, все-таки утратила свою первоначальную чистоту и нуждается въ стиркѣ.

А папа съ мамой говорятъ:

— Хорошъ и въ этой рубашкѣ, погожди до бани.

Такъ и во всемъ. Попроситъ Фрица чистой тарелки, ему папа съ мамой говорятъ:

— Жри на грязной.

Попроситъ Фрица купитъ ему частый грешокъ расчесывать головку, ему говорятъ:

— Своей пятерни мало, такъ чешись десятерней.

Попроситъ помѣтѣся раньше баннаго срока, папа съ мамой скажутъ:

— Въ грязи теплѣе.

Сталъ Фрица по ночамъ плакать, началъ Фрица хулиганить, началъ Фрица отъ грязи паршивѣть, пришла къ Фрицѣ русская холера, скрутила Фрицу въ одночасье.

Схоронили папа съ мамой Фрицу, говорятъ:

— Видно, нечего дѣлать, возьмемъ Пешку да Кешку опять.

Да ужъ поздно было. Кешка да Пешка поступили въ хулигань, проткнули перочинными ножикомъ брюки у самого старшаго городского, и за это ихъ сослали въ самую далекую каторгу.

Не въ добрый часъ пришелся Фрица изъ-за границы. Да не добромъ помянули папа съ мамой и умнаго дядю.

Федоръ Соколовъ.

Радость на землѣ основныхъ законовъ руги.

ВЪ ПРОВИНЦІИ Ц.№20К